

Созвездие Близнецов

Я всегда сомневался в том, что браки заключаются на небесах. Особенно когда женишься во влюбленном состоянии и в молодости, не зная сам себя, не то что других. Теперь-то понимаю — или мне это кажется — механизм ранней влюбленности. Тут при полном отсутствии сознания действует чистая биоинформатика. Не ты ищешь себе пару, а заложенная в тебе генетическая программа, подбирающая потенциальную партнершу по каким-то только ей известным, но довольно жестким и сугубо природным признакам. Приобретенные социальные свойства она игнорирует и в результате поиска запросто может обнаружить существо, удовлетворяющее твоим врожденным сексуально-эстетическим запросам, но совершенно не соответствующее твоему культурному стереотипу. Или, как выразилась моя жена перед тем как уйти к другому, захватив с собой шестилетнюю дочь, "ложишься в супружескую койку с прекрасным принцем, а просыпаешься с мохнатым чудовищем". Хотя лично мне представляется, что между мной и чудовищем разница не меньше, чем между мною и принцем. Что же до моей мохнатости, то если бы у меня на голове было столько же волос, сколько на груди, меня считали бы мужчиной с сильно поредевшей шевелюрой, а если бы столько же, сколько на спине и ногах, то говорили бы, что я лыс, как колено. Вы, вероятно, поняли, что я получил высшее и не вполне гуманитарное образование.

И не привык я ставить зубную щетку в стакан, а привык класть на край раковины — неужели же к подобным привычкам нельзя отнести терпимости? Оказывается, нельзя, потому что это проявление дикости и животной природы. Хорошо, я буду ставить щетку в стакан. Десять раз ставлю, на одиннадцатый забываю и кладу на привычное место. Всплеск негодования. Уже не тем, что щетка не в стакане, а тем, что я забыл, куда ее следует опускать. Значит, настойчивая просьба жены, почти мольба, мне настолько безразлична, что я не могу ради ее спокойствия запомнить то, о чем она меня просит? Или я это делаю нарочно, чтобы ей досадить?! Да нет же, не нарочно, я просто за-бы-ва-ю! Нет, не просто, а специально! А почему, собственно, проблема щетки возникла на пятом году супружеской жизни? Пять лет я клал щетку на край раковины — и ты молчала. Так что же случилось? А то, что это — последняя капля, переполнившая чашу моего терпения! Ах, вот как? На каком, интересно, году супружества Анна вдруг заметила, что у ее мужа хищные уши? И не произошло ли это в связи с появлением Вронского? Причем тут Вронский?! Ты на что намекаешь?

Словом, дело давно шло к разводу. Тем не менее, ее уход оказался ударом то ли мешка с песком, то ли мягкого, но увесистого боксерского кулака. Притупились все чувства — цвета стали тусклее, звуки глуше, запахи как при насморке, осязание как в перчатках. И пропало желание, словно перед уходом она довела меня до полного сексуального бесчувствия. Принимая душ, я смотрел на свой сжавшийся отросток, и одна мысль о том, что ему может найтись применение, вызывала полное недоумение пополам с тошнотой в паху.

Я остался один. Выходить не хотелось, а работать можно было и дома. Произведя нехитрый расчет своих потребностей, я закупил на месяц готовых продуктов и погрузился в занятия, описывать которые не имеет никакого смысла в силу их специального характера. Теперь понимаю, что это было бегство от себя. Защита от опустошения в груди, от призрака ампутированной конечности, от воды без сиропа, сохраняющей память о былой сладости, от квартиры, в которой воцарилась пустота.

Однако надолго в одиночестве меня не оставили. То, что мы с женой расстались, вызвало у знакомых двойственную реакцию: с одной стороны, они проявляли сочувствие ко мне, с другой — заинтересованность в моем холостяцком положении. Подруги моей жены, равно как и жены моих друзей сочли своим долгом не то чтобы осудить ее, но высказать неодобрение ее поступку и одновременно выразить готовность облегчить мое состояние. Некоторые даже навестили меня, делая попытки заговорить то, что они считали моим горем, а также прибраться и приготовить еду. Это было трогательно, хотя кое-кто из них, как мне показалось, был готов зайти в своей жалости дальше приятельских отношений. Впрочем, поскольку во мне ничто не шевелилось, проверить свое предположение я не мог и, не исключено, грешил на них понапрасну. Хотя, насколько могу судить, мужья подруг гораздо чаще вызывают у женщин ревнивое желание, от которого до адюльтера ближе, чем у мужчин, которым нравятся жены их приятелей.

Когда весь ближний круг так или иначе отозвался на описанное событие моей жизни, началось движение по второму кругу. В России, при всей ее обширности, всегда не хватало обустроенных мест для секса, особенно внесемейного. Холостяк с квартирой — находка для знакомых, которым негде перепихнуться. Много позже я увидел на кассете американский фильм с тем же актером*, что играл в джазе только девушек, и он живо напомнил мне это положение. С той разницей, что его гарсоньерку исполь-

* Джек Леммон

зовал начальник, в его отсутствие и с девушкой, к которой он сам неровно дышал. Меня же одолели приятели и приятельницы. Естественно, сначала они просили ключ, на что я отвечал, что круглые сутки сижу дома. Это их обескураживало, но буквально на несколько секунд. Ведь у меня две изолированных комнаты, сплю я наверняка крепко, к тому же дверь будет закрыта. Видите ли, я не знаю, достаточно ли крепок мой сон. Тогда мы будем вести себя очень тихо. Не в этом дело. Хорошо, пусть не в этом, но неужели же я не могу пожертвовать своими мелкими удобствами ради счастья других людей?

У меня в запасе оставался только аргумент продавщицы: "Вас много, а комната одна, вставайте в очередь", но это было бы грубо и неправда, так что я обычно соглашался. К тому же с ними, хоть и занятыми собой, мне было не так одиноко.

Это продолжалось, наверно, месяца два, в течение которых у меня почти еженощно кто-то гостил. На всю ночь они оставались редко — как правило, проводили час-два и исчезали. Я закрывался в своей комнате, оставляя в их распоряжении комнату жены и кухню. И просил, чтобы они сдавали в срочную стирку использованное белье и не забывали возвращать чистое.

Они действительно старались вести себя тихо, но у них плохо получалось. Да и стены были тонкие. За два месяца я в совершенстве выучил все звуки, которые производят совокупляющиеся пары, причем эти звуки без изображения так мне обрыдли, что я еще долгое время выключал в порнофильмах звук — он мгновенно отбивал у меня все удовольствие.

Громкие вздохи, стоны страсти и стоны удовлетворения, внезапные экзотические вопли — во всем этом не было ничего нового или интересного, равно как и в убыстряющемся скрипе диванных пружин или усиливающихся ударах сталкивающихся тел. Продолжительность возни, частота одиночных или обоюдных оргазмов тоже не сулила никаких открытий. А вот вербальное сопровождение неизменно удивляло. Не мужское — мужчины были на редкость неоригинальны: кроме внезапного рычания, стоны или "На, на, на!", они не производили ничего. Но женщины... Я еще был способен понять, почему в экстазе они пропускают "тик" и повторяют "так", и почему зовут "мамочку" или "маму дорогую", но с какой стати небогомольной бабе, да еще в некатолической стране при каждом толчке партнера призывать на помощь Божью мать, которая, как всем известно, была и осталась девой? И если эдипов комплекс распространяется на прекрасный пол, то почему никто не вспоминал дорогого папочку, Иисуса или, на худой конец, черта? Но больше всего меня почему-то достала

рослая телка, которую привел мой сокурсник: на каждом третьем прогоне она стонала: "Вася...", а когда он на каждый ее четвертый стон спрашивал: "Чего?" — тянула в ответ: "Мне прия-а-а-тно...". Кто бы сомневался!

Как-то, едва я успел заснуть, меня растеребила подруга жены, залегшая со своим хахалем. Я очень плохо переносу, когда меня внезапно будят, потому что просыпаюсь с колотящимся сердцем и в липком поту. А в короткий миг между сном и возвращением сознания меня охватывает дикий страх, что за мной пришли. Это началось лет в пятнадцать, когда я в ужасе вскинулся от хлопнувшей форточки. На мой вскрик прибежала мать, обняла и, когда я признался ей, в чем дело, сказала: "Это не ты, это твоя генетическая память проснулась — через меня от деда". Отца матери я никогда не видел — он умер на Соловках за полтора десятка лет до моего рождения. Мать утверждает, что у меня его губы, разлет бровей и привычка трогать мизинцем кончик носа.

— Где у тебя марганцовка?! — лихорадочно спрашивала она. "На кой тебе марганцовка в три часа ночи?" — буркнул я, хотя спешность вопроса была очевидна ввиду ее полной наготы. "Я вместо бездетных таблеток от головы затолкала!" — "Ну так съешь для компенсации противозачаточные". Забыв про критичность состояния, она рассмеялась. В этот момент на веселье заглянул ее трахарь, едва натянувший трусы, и с трудом сдержал перекося лица при виде нашего фривольного положения.

В другой раз меня уже под утро неосторожно разбудил приятель. Когда морок схлынул, я молча постучал костяшками пальцев по лбу. "Извини, ради Бога, — взмолился он. — Она требует еще, а у меня уже сил никаких нет, и на работу бежать. Как друга прошу — дотрахай ее, чего тебе стоит?"

Бородатая отговорка, связанная с переносом удара в слове "стОит", его не удовлетворила. "Если не можешь, то хоть кофе ей принеси!" — сказал он перед тем как испариться. Я надел халат и двинулся на кухню готовить кофе. Через несколько минут послышались ее шаги, и я с облегчением вздохнул, увидев, что она уже одета. "Шланг твой дружок..." — произнесла она, отхлебнув из чашки и затянувшись необыкновенно длинной сигаретой.

— Извини, — сказал я, приняв ее двусмысленность на свой счет. — Я бы с удовольствием, но не могу.

— Чего не можешь? — удивилась она.

Я замялся.

— Что?! Он тебя попросил его заменить?! Сукин сын! Скотина! Иметь такую кувалду — и быть таким лентяем!

- Да ладно, успокойся. Не в последний раз трахаешься.
- Хреновое утешение. А ты что, импопо?
- Да.
- Врешь.
- Нет.
- А как это? Хочешь, но не можешь, или можешь, но не хочешь?
- Не хочу и не могу.
- А может... — спросила она, облизнув губы.
- Спасибо, нет.
- Чего бы я отказывалась от благодарности за ночлег? — поинтересовалась она, вставая, чтобы попрощаться и исчезнуть.

Через пару месяцев добровольного заточения я почувствовал клаустрофобию и стал выбираться через несколько кварталов в бар с названием "Золотой осел". Что они хотели этим сказать, не знаю: ни ослиных причиндалов, ни рисунков из Апулея на стенах не наблюдалось. Вместо них висела табличка *No Smoking* с изображением взашей выталкиваемого из дверей заведения джентльмена в смокинге (не уверен, что англичане поняли бы шутку). Это было еще туда-сюда, а вот неподалеку открылось заведение с вывеской *Cafe Сим-Сим*, увидев которую, я оторопел, не сразу поняв, что слово *Сим* написано кириллицей и потому не является вульгарным английским названием спермы.

Бармены в "Осле" были нежлобивы, а полуджазовая группа исполняла только иностранные песни. Должен сознаться, что русской попсы не переносю. На музыку, которую играют наши лабухи, мне наплевать, но слушать слова выше моих сил, а на английском пошлость почему-то не так ощутима.

Обычно я выпивал пятьдесят водки, лакировал литром пива и навеселе отправлялся домой, стараясь идти прямо. Но в один из вечеров, когда я собрался уходить, в бар с пением "The Moon Of Alabama" завалила компания из трех женщин лет тридцати и парня с голубым оттенком в лице. Припев "I tell you we must die" звучал в их исполнении особенно убедительно, хотя "the way to the next whisky bar" им, очевидно, подсказали. Расположившись у стойки рядом со мной, они заказали текилу и принялись разглядывать окрестности. Музыканты грянули "One-Way Ticket To The Blues".

— А не слабо благородному дону пригласить даму на танец? — вдруг спросила меня та, что села по соседству.

— Если дама не боится упасть, — вежливо сказал я, слегка шокированный ее бесцеремонностью, но тронутый тем, что она прочла "Трудно быть богом".

— Может, я хочу заслужить высокое звание падшей женщины? — мгновенно отреагировала она.

Я встал с барного стула и поклонился.

Плясала она с пьяной размашистостью, но уверенно и с пониманием, что танец является бессловесным продолжением диалога. По тому, как она наступала и отступала, отвечая моим движениям и одновременно навязывая мне свой, более острый почерк, было очевидно, что передо мной женщина нелегкого поведения.

— Ужасно хочется курить, — сказала она, когда музыка стихла. — Не проводит ли благородный дон свою партнершу в курительную комнату?

— Здесь нет курилки, а я не люблю табачного дыма, — сказал я, улыбнувшись в знак того, что она мне приятна несмотря на свои мужские замашки.

— Тогда нам обоим будет лучше выйти на улицу.

Аргумент был неотразим, и я поплелся за ней, чувствуя себя идиотом. Нужно было сказать, что не след на меня рассчитывать, но я побоялся показаться самоуверенным дураком, поскольку не был до конца уверен, что она меня кадрит.

На улице было тепло. Окна в домах уже почти погасли, а свет редких фонарей не мешал видеть звезды. Крупный метеорит наискось перечеркнул ковш Малой Медведицы, и я внезапно подумал, что хочу загадать желание, связанное с этой женщиной, которая жадно затягивалась сигаретой и смотрела на меня, не скрывая удовольствия от моего замешательства.

— Загадали? — вдруг спросила она, словно прочтя мою мысль.

— Загадал.

— Что?

— Желание, — ответил я, гадая, поймет она или нет.

— Если ты меня сейчас же поцелуешь, оно осуществится.

— Сама, — сказал я, ошеломленный сменой местоимения и точностью ответа.

Не выпуская сигареты и не спуская с меня глаз, она подошла, приподнялась на носках вровень с моими губами, на секунду прижалась к ним так, что я почувствовал прикосновение жала, и отстранилась.

— Ну, как?

Прислушавшись к своему телу, я ощутил внутри легкое сокращение, сопряженное с еще более легкой сладостью, точнее, с предчувствием сладости, и утвердительно качнул головой, тут же испугавшись своего жеста.

— У тебя можно?

- Да.
- Где ты живешь?
- В километре.
- А точнее?
- Я назвал адрес.
- Иди. Я скоро.

В прихожей валялись торопливо сброшенные мужские и женские туфли. Дверь в экс-комнату жены была закрыта, не пропуская ни света, ни звука, из чего можно было сделать однозначный вывод, что гости, навзвившись, спали, собравшись предаваться этому занятию до утра.

От предчувствия того, что произойдет через час, у меня замерло, говоря словами базового герметического сочинения, "как наверху, так и внизу". Положение было интересное: я боялся, что она не появится, и боялся, что появится. И даже когда я перестал страшиться второго, то каждый раз страшился первого, причем с каждой минутой приближения к назначенному часу сердце все сильнее колотилось и все острее отзывалось на каждый звук с лестничной площадки, и если бы его движение до конечного момента подчинялось тому же закону, оно должно было или пробить грудную клетку, или взорваться.

Звонок ударил внезапно, сперва как гром, затем как молния. Вид, который открылся ей вместе с дверью, был таков, что вызвал у нее вопрос:

- Неужели не ожидал?

Я молча посторонился, пропуская ее в проем.

— У тебя что, притон?! — сказала она страшным шепотом, наткнувшись на следующий кадр.

- Для бездомных друзей.
- Я не поклонница коллективного секса. И группового.
- Я тоже.
- Они не должны меня видеть.
- А слышать? — не удержался я.
- Об этом я сама позабочусь.
- Раздевайся.
- Так сразу? — спросила она, нарочито вкось истолковав приглашение, и прямо в туфлях и плаще направилась в мою комнату, оглядевшись на пороге в поисках выключателя, чтобы погасить свет.

Закрыв за собой дверь, я обнял ее сзади и коснулся губами открытой шеи, намереваясь как можно дальше отложить беспокоивший меня мо-

мент. Она сильно вздрогнула и откинула голову мне на плечо. Затем произошло нечто странное — после нескольких прогулок языком по мочке уха и легкого заигрывания со скрытыми под кофточкой сосками ее тело выгнулось, произведя несколько недвусмысленных судорог, и со вздохом расслабилось. Это было настолько неожиданно, что я не сразу обратил внимание на изменение в собственном организме.

— Да ты же просто мечта любого мужчины — чтобы и самому ничего не делать, и девушку ублажить.

— Сама удивляюсь.

— Да ну?

— Честное пионерское.

— Еще?

— У тебя есть что надеть?

— У гостей есть. Сейчас.

— Оставь, пусть спят.

— А как же?

— Так.

— В смысле?

— Ты безопасный.

— А только что ты этого не знала?

— Сомневалась. А теперь знаю.

— Откуда?

— От верблюда.

Последние слова она договорила, уже будучи освобожденной от всего, и я предпочел не отвечать, а закрыть ей рот поцелуем и внедриться в нее. За исключением взаиморасположения тел, повторилось то же, что и раньше — после нескольких осторожных (я уже боялся расплескаться) движений она вдруг задохнулась, и ее тело исполнило несколько судорожных па — на этот раз вокруг моего изумленного орудия, еле удержавшегося от того, чтобы растаять.

На этом время перестало существовать, сплетаясь в почти непрерывную цепь конвульсий. Восставший из небытия дружок сохранял твердость, но почти лишился чувств. Наконец, после очередной пляски св. Витта, исполненной на моих коленях, она рухнула на постель со словами: "Все, больше не могу!".

Я опустился рядом.

— А ты?

— Прозевал момент.

— И как же?

— Не знаю.

— Ах ты, бедняжка...

Дальнейшие слова относились уже не ко мне. Она защебетала с моим естеством как медсестра с инвалидом, потом как мать с младенцем, обращаясь к нему то во втором, то в третьем лице, поглаживая, тормоша и целуя. Это было так же похоже на рутинную устную процедуру, как балетная импровизация на солдатский марш, и мой ошеломленный этим натиском орган (с ударениями на обоих слогах) с большим всплеском чувств (я едва сдержался от вопля) исполнил свою генетическую программу.

— Похоже на устрицу, — сказала она, оторвавшись от моего средоточия.

— Не знаю, не пробовал.

— Чего?

— Ни того, ни другого.

— Ну так попробуй, — она стремительно прижалась губами к моему рту, и я ощутил вкус собственного семени, в котором действительно было нечто от морской живности.

— Здорово. Никогда такого не было. Надо же, как я на тебя попала... — мечтательно произнесла она. И почти без паузы добавила:

— Ужасно хочется есть...

Я сварганил ей горячие бутерброды и принес полбутылки красного, недопитого дрыхнувшими гостями.

— Ух ты! — восхитилась она, отпив вина и хрустнув хлебом. — Здорово-то как!

"Здорово" было у нее любимым словечком.

— Как тебя зовут, кстати?

— Никак.

— То есть?

— Зови меня никак. И поклянись, что не будешь доискиваться. Даже в уме. Никаких предположений на мой счет.

— Почему?

— Потому.

— А если я обману?

— Не обманешь.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда же, откуда и ты. Ну, клянешься?

— На Коране, на Евангелии или на Торе?

— Хоть на шаре.

— Клянусь.
— Хороший мальчик.
— Послушай, Никак...
— А что, — сказала она, укладываясь на меня так, что ее набухшие соски уставились мне в глаза, — хорошее имя. Почти корейское. Ли Сун, Ни Как. На европейский манер — Как Ни. Диалог копрофагов: "Как-ни?" — "Никак".
— Есть русский вариант: Ника К. Может, тебя зовут Ника?
— А попробуй угадать. Каждый раз ты будешь встречать меня именем. Это будет как шпионский пароль, только наоборот. "Ника?" Если не попадешь, я войду. Если попадешь — уйду. Насовсем. Но у тебя останется знание. Ну, как?
— А если я скажу "Никак"? — сказал я прежде, чем подумал.
— Значит, это и есть универсальный ключ.
— Отмычка.
— Отмычку я чувствую в другом месте, — заметила она, шевельнув бедрами и ловко надевая свою муфту на моего ожившего спутника.

— Я вижу, ты за словом в карман не лезешь, — сказал я, когда после нового сериала, разыгранного на моем почти неподвижном теле, она распласталась рядом.
— А зачем, если всегда есть подсказки. Почему ты не кончил?
— Жалко было прерывать твой танец. А теперь уже поздно.
— А прежним способом? Мне показалось, что мой язык ему понятен.
— Все равно не получится.
— Ну и дурачок.
— Ничего страшного.
— Тогда дай мне глотнуть из другого сосуда. Надеюсь, там еще осталось?
— Я тебе уже сказал, что ты удобная партнерша, а теперь могу добавить, что ты вдвойне удобна, — сказал я, протягивая ей бутылку.
— Ага. Как туалетная комната с двойными удобствами, — ответила она, допив остатки вина и опустив пустышку на пол. — В том смысле, что со мной можно иметь дело и в промежутках?
Я засмеялся.
— У меня высокий IQ.
— Заметно.
— Поэтому трудно найти мужика на две половины. Кто годится для

одной, не годится для другой, — градус ее откровенности от выпитого несколько повысился.

— А я гожусь на обе?

— Ага. Повезло. Только не думай, что это твоя сексуальная заслуга.

— Вот как?

— Чему ты удивляешься? Ты не делал ничего такого, чего бы не могли сделать другие. Да и размер у тебя, извини, не поражает девичье воображение. Нормальный размер.

— Тогда в чем же дело?

— Не знаю. Может, когда-то в чем-то провидении мы были единым существом. Потом разделились на женскую и мужскую часть и разлетелись. Порознь родились, порознь росли. Еще потом почувствовали свою неполноту и стали искать. И вот состыковались обратно.

— Сразу обеими половинками тела?

— Этого мы еще до конца не проверили, — сказала она, разворачиваясь на пол-оборота и укладываясь на меня так, что моему языку ничего не оставалось, как вступить в безмолвный разговор с ее антисимметричным образованием. В разгар этой беседы, как констатировал бы марсианский наблюдатель, поступило подкрепление со свободной стороны, в результате которого была установлена полная композиционная симметрия, за которой последовал глубокий сон обоих участников перекрестной коммуникации.

Очнулся я под утро, почувствовав ее взгляд, но без всякого страха. На часах было полседьмого.

— Мне пора.

— Куда ты в такую рань?

— Так надо.

— Я сварю кофе.

— Нет.

— Когда мы увидимся?

— Через неделю за тридцать минут до нуля. Я позвоню.

— Запиши телефон.

— В дверь, глупыш.

Неделю я провел не буду говорить как. Скажу только, что позаботился об отсутствии лишних визитеров. За час до назначенного времени у меня начался колотун, описанный выше, так что можно не повторяться.

И конечно же, при всей ничтожности шансов на попадание назвать имя я не отважился.

— Вижу, что ждал, — произнесла она, вешая тот же белый плащ и окидывая взглядом интерьер с моей фигурой.

— Откуда?

— Тоже мне, бином Ньютона. Подошел, будто лежал под дверью, в прихожей порядок, для групповухи никаких возможностей.

— А ты знаешь, что такое бином Ньютона?

— Объяснишь в промежутке. Лови меня! — и, как стояла ко мне боком, стала падать солдатиком спиной вперед, так что я едва успел подхватить ее. Самое поразительное было в том, что так же делала моя шестилетняя дочка, с той разницей, что забиралась на стул или на тумбочку и кричала: "На меня!" — в полной уверенности, что я успею броситься из другого конца комнаты, чтобы почти в прыжке поймать ее на руки.

— Сумасшедшая!

— У тебя неплохая реакция.

— А если бы я не успел?

— Только между нами: я бы сгруппировалась, — сказала она перед тем, как наградить меня обстоятельным поцелуем, который завершился лишь со всеми остальными процессами. Думаю, что это было комическое зрелище, учитывая, что не так-то легко снять через нижнюю часть тела майку и комбинацию.

— Ну? — спросила она, отдышавшись.

— Что ну?

— Покажи мне этот бином. А то, в самом деле, глупо как-то на него ссылаться. А как ты думаешь, Бегемот знал, что это такое?

— Булгаков, может, и знал — из гимназии.

Дотянувшись до стола, я взял блокнот с ручкой и нарисовал ей таблицу биномиальных коэффициентов:

1 1

1 2 1

1 3 3 1

1 4 6 4 1

— Уловила принцип?

— Ага, — сказала она, добавляя пятую строку: 1 5 10 10 5 1.

— Это треугольник Паскаля.

— А не трапеция?

— Верхняя единица — в уме. Сколько будет а плюс бэ в квадрате, со школы помнишь?

— А в квадрате плюс два а бэ плюс бэ в квадрате.

— Это — вторая строка. А в кубе?

— Что-то такое с тройками. А в кубе плюс три а в квадрате бэ... ага... плюс три а бэ в квадрате плюс бэ в кубе. Один-три-три-один. Значит, энная строка — это коэффициенты $(a+b)^n$?

Насчет IQ, который определяется, в основном, способностью к интерполяции, она не соврала.

— Только при чем тут Ньютон, если треугольник — Паскаля?

— Паскаль получил эти коэффициенты, подсчитывая вероятности, а Ньютон — возводя двучлен в разные степени.

— Я вижу, дон не только благородный, но и ученый. Неужели он объяснит даме и то, при чем здесь вероятность?

— На следующей перемене, — сказал я, внедряясь в нее.

— Не сходится твоя андрогенная гипотеза с генетической реальностью, — сказал я, когда клубок наших тел (мы даже скатились с дивана на ковер) окончательно распался.

— Сначала про вероятность.

Я объяснил ей связь между биномиальными коэффициентами, числом сочетаний и вероятностью.

— А можно вычислить, какова была вероятность нашего сочетания? — спросила она, когда я закончил.

— Вероятность того, что среди миллионов зачатий найдутся два, при которых получатся два дополнительных создания, которые притом встретятся и узнают друг друга, — не больше вероятности того, что обезьяна, колотя по клавишам компьютера, выстучит "Войну и мир", то есть практически равна нулю. А событие с нулевой вероятностью называется чудом.

— А противоположность чуду называется судьбой. Если я правильно поняла про вероятности, вероятность свершения судьбы равна единице. Генетика, кстати, оставляет такую возможность.

— Как это? — спросил я и осекся от догадки.

— Так, как ты подумал.

— Это не возможность, а невозможность!

— Ну почему же? Разве твоя мать не могла родить двойню? Не могла в силу неких обстоятельств отдать меня в другую семью?

— Мексиканского мыла насмотрелась?

— Почему мексиканского? Мало ли таких историй у нас? "В нем он брата родного узнал — не пришлось ему раньше узнать... — насмешливо пропела она. — А ведь мог бы и сестру".

— И ты бы решилась на инцест?!

— Да что ты мечешься? Откуда я могла бы узнать, что ты мой брат? Прилетела на сигнал, который ниже порога сознания, и попала, извини, на х...? И что теперь делать — убиться, что ли? Тебя-то, надеюсь, не Эдипом зовут?

Я загипнотизированно смотрел на нее, напоминая себе анекдотического волка, который, глядя на новорожденного волчонка, перечисляет: "Глазки — мои, ножки — мои, ушки... ушки... ну, заяц, погоди!!!". Лет ей было столько же, ростом она была почти с меня, цвет волос и глаз, форма носа — все совпадало.

— Какой же ты внушаемый... — она с нежностью погладила меня по голове. — Да я это только сейчас придумала. Ведь если твой ноль — то же, что моя единица, то один — то же, что два, два — то же, что один, и два разных зачатия могли быть одним. Вот и все. И давай спать, мне завтра в то же время.

Устроившись у меня на плече, она мгновенно уснула, а я еще долго лежал без сна, пытаюсь представить, что было бы, если бы... и глядя на ее тело, которое в этом случае могло быть моим в той степени, в какой это вообще возможно.

Стыдно признаться, но всю неделю я потратил на опровержение ее чудовищного предположения. Спросить отца, к сожалению, было уже нельзя, а мать к концу моих околичных (ибо не мог же я сказать ей прямо, в чем ее подозреваю!) расспросов, касавшихся обстоятельств моего появления на свет, стала нервничать. Сейчас-то я понимаю, что она попросту решила, что из-за ухода жены у меня съехала крыша, и сильно обеспокоилась за мое здоровье, но тогда это лишь усилило мои подозрения, хотя ничего определенного я не выяснил ни у нее, ни у тетки. Обстоятельства у матери были действительно стесненные, притом если относительно материнской идентичности у человека редко бывают сомнения, то относительно отца их редко не бывает, так что, если бы моим отцом был не тот, кого я считал своим отцом, а некий гипотетический любовник, покинувший мою мать, вследствие чего ей пришлось выйти за другого любовника, то с одним ребенком это было проще, чем с двумя.

Можно было отправиться в роддом, где меня произвели на свет, и за-

глядеть в регистрационную книгу (если бы мне ее дали) — но от этого я удержался, поскольку понял, что запись было бы несложно и подделать. Мысль украдкой взять ее оброненный волос и, сложив со своим, послать на генетическую экспертизу я тоже отклонил, поскольку понял, что если она что-то доказывает, то лишь мое собственное безумие. Кроме того, приемом мог быть и я.

Она появилась с той же точностью, что и в прошлый раз, как только пробило (я настроил стоявшие дедовские часы с маятником) полдвенадцатого, причем звука подъехавшей машины слышно не было.

— Никак, ты?

— Коль полночь близится, а Ника К. нейдет, то, зная, кому-то изменяют часы, терпенье... иль никак.

С какой буквы произнесено слово "никак", с большой или с маленькой, было не понять. Я поднял ее вместе с пакетом, в котором просматривались формы бутылки, и отнес (потеплело еще больше, и она пришла без плаща) на кухню.

— Здорово... Ужин при свечах? — спросила она, запрыгнув на меня и скрестив сзади ноги.

Ужин пришлось отложить, используя стол в качестве подставки (ее ноги переместились на мои плечи и обхватили шею), после чего она сказала: "Фу! И вот так ты трахаешь секретарш своих начальников?".

— Почему ты думаешь, что я сам не босс? — обиделся я.

— По форме зада.

— Ты что, много начальницких задниц видела?

— Зачем много? Они все на одно лицо. В смысле "выражает то лицо, чем садятся на крыльцо...".

— Я смотрю, ты сегодня поэтически настроена.

— Потому что жрать охота, — и она набросилась на купленные мной салаты, запивая принесенным вином.

— А ты что?

— На тебя смотрю.

— Когда ем, смотришь, когда кончаю, смотришь. Ты что, вуайер?

— Это кто такой?

— Любитель подглядывать.

— Я же не тайком.

— А я не против. Можешь посмотреть, как я писаю. Большого, извини, не предлагаю.

- В соответствии со своим псевдонимом?
- Как это? А, ну да. Хотя... — она о чем-то задумалась и спросила: А налом интересуешься?.
- Каким еще налом?
- Она засмеялась, и я понял, что "а" и "налом" она произнесла слитно.
- Опять не пробовал?
- Нет.
- Я тоже.
- Врешь.
- Ты думаешь, если я что-то делаю, то не в первый раз?
- А разве нет?
- Клянусь страшной китайской клятвой.
- Это как?
- На три буквы "з": чтоб мне залететь, заразиться и затрахаться до смерти.
- Насколько мне известно из анатомии, при том способе, что ты предлагаешь, первое исключено.
- Если перед этим исключить непорочное зачатие.
- Слушай, может, ты до меня вообще была невинной?
- Не глупи. Целку мне порвали в 16 лет. С моей же собственной отдачи. Но больше раза я ни с кем не кончала. Даже с собой. И в рот не брала.
- Почему?
- Почему ишак не ест ваты?
- Не знаю.
- Потому что не хочет. Так как?

Понятно, что я не сказал "никак". Подробности опускаю, так как не уверен, что смогу избежать порнографических описаний. Да и спуталось все — помню только, что мы словно поменялись местами: меня переклинило в циклический режим, а ее — в состояние непрерывной и нескончаемой возгонки.

Оборвал нас резкий звонок. Я не без труда высвободился из ее хватки и пошел в прихожую, недоумевая, кого это принесло в такой час. Сквозь дверной зрачок просматривались два мента, сержант и старлей.

- Вы чего?
- Откройте.
- Удостоверения покажите.

Они достали книжечки и поднесли к глазку. Я открыл дверь на цепочку.

- В чем дело?
- Вы почему животное мучаете?
- Какое животное?
- Это вам лучше знать.
- С чего вы взяли?
- Соседи сверху пожаловались. Да мы сами только что слышали.

До меня дошло, и я заржал, как черт из табакерки. Они несколько секунд в полном недоумении смотрели на меня, потом младший по званию прыснул и что-то шепнул старшему. Тот тоже засмеялся.

— Извините. Но постарайтесь потише. Все-таки два часа ночи, и кошачий концерт...

— Сейчас кончим.

Оба грохнули с новой силой.

— Приятно было узнать, что кругом столько защитников животных, — сказал я, делая движение, чтобы закрыть дверь, и они вежливо козырнули.

— Ну ты и деловой: "Сейчас кончим". Почему ты так уверен? — возмутилась она, когда я пристроился рядом.

— Потому что сейчас заткну тебе рот платком.

— Только не забудь заткнуть и что-нибудь другое, — успела она выпалить прежде, чем умолкнуть.

— Ты порнуху смотришь?

Вопрос был задан ею в тот момент, когда мы вернулись из душа, и она расположилась на моих бедрах в позе лотоса, предоставив для обзора свою раскрытую ярко-розовую орхидею с палевыми лепестками.

— Иногда. А ты?

— Терпеть ненавижу. И эротику тоже.

— Почему?

— За слюнявость. В прямом и переносном смысле. Почему эти сперматозавры все время брызгаются?

— Думаю, что это просто сертификат подлинности.

— Значит, свидетельством натуральности является искусственность?

— Так и в натуре бывает.

— Тогда вдвойне противно.

— Почему это?

— Семя — продукт для внутреннего употребления.

— Не понял. Ты же не считаешь искусственным совокупление, не допускающее возможности зачатия?

— С тобой — считаю.

Я задохнулся.

— Поэтому и не препятствую тебе изливаться вот сюда, — она кивнула на свой зев.

— Но при случае подставляешь другие места.

— Орис эт анус вице вагинаэ эдере — так, кажется?

— Я не настолько сведущ в латыни. Заместителями или суррогатами?

— Может, это противоречит законам природы, но от тебя я могу залететь и при минете.

— И родить через рот, как случалось с мифологическими героинями?

— Спасибо, что воздержался от указания на вторую возможность. Не будь таким догматиком. Вдруг какой-нибудь отчаянный сперматозоид сможет добраться до яйцеклетки окольными путями, или возможно зачать виртуально?

— Оттуда же, откуда знаю, что Бога нет.

— Интересно, кто, кроме Бога и Сатаны, может внушить человеку столь дикую мысль?

— Тебе не кажется, что теософский диспут в таком положении несколько неуместен?

— Напротив. Мы с тобой, как Адам и Ева после грехопадения, имеем право обсуждать коренные вопросы гносеологии. Хотя, в отличие от них, не стыдимся собственной наготы.

— Коренные, говоришь? То-то я начинаю ощущать свой корень.

Она запустила руку назад, деловито ощупала мой бутон и, чуть приподнявшись, ввела в себя.

— Так лучше, чем было?

— О, да.

— Я знаю, от чего ты умрешь.

— Потому что чувствуешь мой конец?

— Ну и пошляк...

— Тогда от чего же?

— От обезвоживания организма.

— И от обезвоживания, — выговорил я, подавляя стон.

— Не думай, что я дам тебе так спокойно закончить свой день. Сейчас ты у меня узнаешь, что такое виртуальный секс, — сказала она, передвигаясь ко мне на грудь, чтобы нахально облизнуть свой средний палец и опустить туда, где сошлись лепестки.

Наши встречи продолжались всю весну и все лето. Она появлялась каждую среду в полдвенадцатого ночи и уходила в полседьмого утра в четверг. Все, что было между, провалилось в черную дыру вне времени и пространства. Если раньше я спал без сновидений, то теперь меня стали мучить сны. Их было два, повторявшихся с разной регулярностью, — сон потери и сон неустрашения. Один начинался со звонка, раздававшегося в момент ее прихода. Я открывал — вместо нее на лестничной площадке было нечто незримое и непереносимо страшное. Я захлопывал дверь и просыпался, а потом лежал, слушая, как стихает сердце. Во втором сне я знал, как ее зовут, мы порознь приезжали в какой-то город и должны были встретиться, но что-то мешало. Время от времени я с ужасом думал, что до сих пор ее не видел, но ничего не менялось, и я уезжал в полном отчаянии.

В ночи со среды на четверг сна почти не было — время было заполнено сонитями, когда мы переставали понимать, заполняем ли ментальным сексом промежутки между физическим, или наоборот, телесными совокуплениями интервалы между устными, беседуем между траханьями или трахаемся меж беседами. Сочетать то и другое не удавалось: как только его голова включалась, моя отключалась, и наоборот. Видимо, переключатель либидоносного кровяного потока работал по закону исключительной дизъюнкции: кровь прилиwała туда или сюда, но не туда и сюда одновременно.

Я жил на высоком этаже. Иногда мы перебирались в лоджию, прихватив с собой вино и сыр. Окрестные дома были ниже, и в ясную погоду перед нами открывалась карта звездного неба.

— Покажи мне Близнецов, — как-то сказала она.

Астрономию нам в школе преподавал психоватый дядька. В небесной механике он разбирался, как я в вавилонской клинописи, и предпочел бы коперниковой птолемею систему мироздания с ее сферой неподвижных звезд, кругами, эпициклами и деферентами, поскольку решить уравнение движения двух тел в пространстве было явно выше его сил. Как-то я поднял руку и спросил его, что, помимо нашего воображения, объединяет произвольно разбросанные во Вселенной и движущиеся звезды в созвездия. Он смутился и что-то пробормотал — будучи изложено шекспировским языком, это прозвучало бы так: "Много есть вещей на свете, что и не снились нашим астрономам". Что бы там ни было, путь Солнца по Зодиа-

ку и констелляции планет он знал назубок, что объяснилось позже, когда я стал встречать его астрологические прогнозы (их скрупулезность вызывала у меня припадки смеха) в разных таблоидах. Так что, спасибо ему за то, что в ясную погоду я еще отличаю Рака от Скорпиона.

Пошарив глазами ниже и правее Большой Медведицы, я ткнул ее пальцем в небо.

— Яркая звезда на кончике твоего ногтя — Поллукс, а вон та, чуть тусклее (я сдвинул палец) — Кастор.

— А так, чтобы мужчина и женщина?

— Марс и Венера.

— Ничего марсианского в тебе нет, — заметила она и тут же добавила: — Удушю, если скажешь, что во мне есть нечто венерическое.

— Ну, тогда не знаю. Альфа и эпсилон Лиры.

— А они где?

Я показал ей бету, а эпсилон показал наугад — разобрать, где там четвертая по яркости точка, было трудно.

— Странная звезда. Как будто двоится.

Я вздрогнул: ни видеть, ни знать, что эта мерцающая точка является парой двойных звезд, она не могла, разве что прочла в моей голове.

— Это у тебя в глазах двоится.

— Тебе что, жалко? Пусть будут. И давай как-нибудь их назовем...

— Это прерогатива астрономов.

— А они ничего не узнают. Мы им не скажем. Вот... пусть эти двойняшки называются фиолетовая звезда Альгнора и зеленая звезда Триценторикс. И есть у них ребенок — оранжевая планета Бентамегон. На ней живут инки...

— Ацтеки тоже?

— Нет. Эушципеи, ингвасидекамбры и урбждруны. Но они невидимы никому, кроме инок.

— А кто такие инки?

— Их нельзя определить, но можно описать, — ответила она цитатой из моего объяснения первичных геометрических понятий.

— По утрам они долго лежат в постелях, не понимая, что забросило их в этот неверный мир, призрачно дрожащий на ресницах, и всматриваются в мерцающие глубины своих тел, откуда тихо-тихо всплывают ощущения. Сперва оживают кончики сосков, потом кончик носа, потом кончики пальцев, потом волшебный кончик, потом кончик хвоста. А потом начи-

нают звонить грудные колокольчики: аквамаринный колокольчик грусти, жемчужный колокольчик нежности и пурпурный колокольчик любви.

— А потом?

— А потом я еще не придумала. И уж-жасно замерзла. Грей меня скорее.

Мы перебрались в комнату, где она немедленно оккупировала любимое кресло, называвшееся между нами "кресло-кончалка".

— Девять, — подытожил я, когда она, откинувшись на спинку, развесила ноги на подлокотники, чтобы (так она выражалась) проветрить кошелек.

— Девять чего?

— Того самого.

— Ну ты и прохвост! — она запустила в меня подушкой. — Я тут захожусь, себя не помню, мать родную забыла, родине почти изменила, а он считает! У тебя совесть есть?

— Учет и контроль — вот наши принципы.

— Так ты еще и демагог?

— А знаешь, Ни Как, по-моему, ты на балконе выдала свое имя.

— Думаешь, меня зовут Инка?

— Нет. Это было бы тривиально.

— Тогда Эушципея.

— Нет, но в твоей каббалистике, скорее всего, есть его анаграмма.

— Здорово! — восхитилась она. — Классная идея для романа.

— Для нашего?

— Увы. Все для того же, для мыльного. Ну, представь себе — она исчезает, оставив ему шифр, по которому он может ее найти, но не оставляет ему ключа. Вернее, пишет, что ключ находится в нем самом. Если они действительно двойняшки, он воссоздаст ход ее мысли, прочтет послание и найдет ее. Он пытается сам, обращается к лучшим дешифровщикам, к гадалкам и экстрасенсам — напрасно. И лишь через много лет, когда, мой милый Августин, все прошло, его осеняет идея шифра, столь оскорбительно ясная, что от такого удара он умирает. Или нет, все-таки бросается туда, куда указывал шифр, и узнает, что в дело вмешался Случай: ему сообщают, что три дня назад она погибла в автокатастрофе. Годится?

— Нет.

— Тогда не пытайся разобрать анаграмму, а не то все сбудется.

Перед рассветом я проснулся от ее взгляда.

— Ты что?

— Ничего. Просто смотрю. Спи.
— Иди ко мне.
Она покачала головой, и мне на щеку упала капля.

— Да что с тобой?!
— Сейчас пройдет. Все в порядке.
— Что в порядке, если ты плачешь среди ночи?
— Не обращай внимания. Это от любви.

Ключевые слова она всегда произносила между прочим.

— И давно это с тобой?
— С позапрошлого раза.
— А до этого?
— До этого мне было хорошо с тобой, а после этого стало плохо без тебя.
— Тогда оставайся здесь.

Она разрыдалась в голос. Я стал целовать ее мокрое лицо и понемногу успокоил.

— Все, больше не буду. Спасибо тебе.
— Спасибо да или спасибо нет?
— Ты знаешь.
— Почему?

— Потому что как только это случится, я стану ведьмой. Зачем тебе это? Не нахлебался семейной жизни?

— Это ты обо мне заботишься?

— О себе тоже. Ты станешь монстром, и мы будем, как паук и паучиха, Ядуд и Мадуд, Труха и Асмодей. А сейчас мы — два существа, которые сошлись в беспредельности, как сказано сам знаешь где. Но у них там кошмары и ужасы, а у нас благорастворение воздуха и сад земных наслаждений. И даже небесных.

— А слезы?

— Впервые лью. Как будто нож целебный отсек страдавший член — и в ножны вложил... — скорбно продекламировала она. — А ты знаешь, как на латыни "ножны"?

Я не знал, но догадываться не было ни нужды, поскольку ее ножны уже облекали влагаемое, ни возможности, ибо этот акт, как я уже говорил, исключал всякую умственную деятельность, и если бы кому-то вздумалось в эти мгновения измерить мой IQ, он бы оказался ниже уровня моря.

Утром она ушла так тихо, что я даже не проснулся. А когда протер глаза, увидел на тумбочке записку:

как тает ночь
как близко расставанье
в рассветных небесах
звезды последнее мерцанье
похмелья горечь на губах

* * *

Вот, собственно, и все, что я хотел рассказать. И в блюде пусто, и ложечка облизана, как добавила бы моя дочка, будь ей по-прежнему шесть, а не шестнадцать. Больше моя любовь (я, наконец, выговорил это слово) не пришла, не знаю и не хочу знать, почему. Я перестал видеть наяву эpsilon Лиры, но во сне иногда вижу зеленую звезду Тринцентгеторикс и почти слившуюся с ней фиолетовую звезду Альгнору и вычитываю из анаграммы ее имя, испаряющееся при пробуждении быстрее, чем испарина на ладони. А по средам, когда секундная стрелка начинает последний круг перед половиной двенадцатого, у меня все так же заходится сердце, а к бою часов присоединяются удары крови в висок. С последним двойным ударом я пытаюсь открыть дверь. Но не могу, никак.

Москва

